

АНАЛИТИЗМ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ/И НЕИЗБЕЖНОСТЬ? (ПРОЯВЛЕНИЕ АНАЛИТИЗМА В РУССКОЙ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ)

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНИН
Тамперский университет, Финляндия
aleksandr.zelenin@uta.fi

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются случаи проявления грамматического аналитизма в русском языке 20 века. Материал исследования – эмигрантская публицистика 1919-1939 гг. Усиление аналитических тенденций в русском «советском» языке (прежде всего, в общественно-публицистической сфере) специалисты стали отмечать еще в 1920-е годы, усмотрев в этом влияние как социально-политических, так и собственно языковых факторов. Однако «зарубежная» разновидность русского языка долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. Данная статья восполняет этот пробел и стремится ответить на вопрос: насколько активно аналитические конструкции использовались в русском языке эмиграции. В результате рассмотрения большого материала делаются следующие выводы: 1. в сравнении с русским языком метрополии происходит значительное опережение эмигрантского «языка» в проникновении и освоении аналитов (антропонимика, топонимика; профессиональная, общественно-политическая, спортивная лексика; некоторые зоны словообразования); 2. экстралингвистические факторы являются решающими в этом процессе; 3. «слабые» зоны в русской языковой системе достаточно легко заполняются аналитическими конструкциями, в первую очередь в сфере публичного дискурса, которые и служат проводниками аналитичности в грамматическую структуру (морфология, синтаксис).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык; аналитические тенденции; язык эмиграции;
"советский язык"; публицистический стиль.

ANALICITY IN RUSSIAN: NECESSITY AND/OR INELUCTABILITY? ANALYTICAL TRENDS IN RUSSIAN ÉMIGRÉ PRESS AFTER 1917

ALEKSANDR ZELENIN
University of Tampere

ABSTRACT

In this article, facts of grammatical analytism in the Russian of 20th century are analyzed. The empirical material of this research was collected from Russian émigré press after 1917. The growing of analytism in Russian "soviet" language and especially in the public sphere in the 1920th was described by linguists of that epoch who supposed in it as influence of social and political so actual linguistic factors. But Russian émigré press for a long time was beyond of vision of researchers. This article tries to make up for a deficiency and respond to the main issue wich is how widely and actively some analytical constructions were used in Russian émigré press? As the results of this research one can mention: 1. the considerable advance of growing of analytical forms in Russian émigré press in comparison with the Russian language in Soviet Russia (anthroponymy; toponymy; professional, social and political, sport vocabulary; some word-building facts); 2. extralinguistic factors are more important in this process; 3. the "weak" zones in the russian grammatical system were filled by analytical constructions easy enough,

especially in public discourse and they were as the guides of analytism in grammatical system of from Russian émigré press.

KEY WORDS: the Russian; grammatical analytism; émigré; the “soviet” language; publisism.

Усиление аналитических тенденций в русском языке – одна из популярных и актуальных в современном языкознании тем исследования. Количество работ растет по экспоненте: от редких упоминаний в 1950-е годы о начале этой тенденции в русском языке до буквально шквального числа публикаций по данной проблематике в 1980-2000-е годы.

Как известно, типологическое деление языков в соответствии с «духом народа» восходит к идеям немецких романтиков: В. Гумбольдт, братья Шлегели. Особенно в этой связи следует отметить классификацию старшего брата Августа Шлегеля, предложившего в 1818 г. три стадии языковой типологии: *флективные* (*flektierende Sprachen*) – *аффиксирующие* – *аморфные* (*isolierende Sprachen*). Младший, Фридрих Шлегель, исходил из бинарной схемы деления языков: «органические», *organische Sprachen* (с синтетической флексией, *mit synthetischer Flexion* – с аналитической флексией, *mit analytischer Flexion*) – «неорганические», *unorganische Sprachen* (без грамматической структуры, *ohne grammatische Srtuktur* – с аффиксами, *mit Affixen*) (Bar 2002). В частности, Фр. Шлегель, сравнивая современные ему европейские языки с «идеальным» («чистым») санскритом (как известно, именно он выступал матричным, исходным языком у первых компаративистов), называл его более «совершенным», в то время как латинский и романские языки, по его мнению, в процессе своего развития утрачивали эту «чистоту», смешивались, становились менее органичными. Если «идеальный» санскрит – язык со сложной синтетической структурой, то многие современные европейские языки (например, романские) утратили синтетические элементы и приобрели аналитические; так впервые в европейском языкознании появилась идея о *движении* языков в своем структурно-грамматическом строе от синтетических к аналитическим. В 1836 г. В. фон Гумбольдт представил уже четырехчленную типологию языков: *изолирующие языки* (*isolierende Sprachen*) – *агглютинирующие языки* (*agglutinierende Sprachen*) – *флективные языки* (*flektierende Sprachen*) – *инкорпорирующие языки* (*inkorporierende = einverleibende Sprachen*). Особенно ярко этот телеологизм движения языков проявился в философии и типологических построениях О. Есперсена; он даже построил теоретическую модель аналитических языков как «более экономных» в коммуникативном отношении; к этому «идеалу», по его мнению, стремятся синтетические языки (эта мысль как сквозной мотив проведена в его известной книге *Language, its nature, development and origin*. London, 1922).

В русской лингвистике И.И. Срезневский и А.А. Потебня были не слишком склонны рассматривать дихотомию «анализм – синтетизм» как глобальную категорию, которая телеологически «управляет» развитием (движением) языков (в частности славянских), и полагали, что у каждого языка своя логика развития и на каждом уровне есть своя количественная и качественная иерархия синтетических и аналитических черт, причем движение может совершаться не так прямолинейно: от синтетизма – к анализиу, а может происходить даже от синтетизма – к еще более высокому уровню синтетизма. Доказательства этого они

видели в значительном росте флективной техники в некоторых славянских языках в сравнении со строем общеславянского языка (Мельников 2000).

Дискуссия «становится ли русский язык аналитическим» бурно, порой даже эмоционально проходит на страницах современных специальных научных изданий. Сталкиваются две позиции: по мнению одних специалистов, увеличение тех или иных черт в русском языке, свойственных аналитическим языкам, едва ли следует рассматривать как покушение на флективный (синтетический) строй, который в своей основе остается таковым, а аналитические инновации все-таки проходят на грамматической периферии, хотя и привлекают пристальное внимание своей новизной. Пожалуй, таких лингвистов меньшинство.

В частности, С.Б. Бернштейн во вступительной статье к широко известной книге *Творительный падеж в славянских языках* (М., 1958, особенно сс. 32-33) сомневался в увеличении элементов аналитизма в русской падежной системе. Ср. высказанную в это же время мысль В.В.Виноградова: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому» (Виноградов 1947: 37). Любопытно, что среди зарубежных исследователей чаще всего доминирует осторожное отношение к утверждению об уверенном движении русского языка в направлении аналитизма. Дж. Данн в ряде статей (Dunn 1982; 1988), где рассматривались такие параметры аналитизма, как контекст, порядок слов, расширение числа несклоняемых имен существительных (одно из самых весомых свидетельств упрощения русской падежной системы), также не склонен абсолютизировать некоторые факты именно как поступательное «движение» русского языка в сторону аналитизма. Другой автор, защитивший докторскую диссертацию по теме именных конструкций с несогласованными компонентами в современном русском (Patton 2000), соглашается с тем, что растет класс слов, имеющих функциональные характеристики как субстантивов, так и адъективов, и это – шаг в направлении к аналитизму. Но в то же время он приводит следующий контраргумент: у многих таких гибридных (в морфологическом отношении) форм существуют эквиваленты в форме имен прилагательных (правда, иногда в некодифицированной форме), таким образом – их следует рассматривать скорее как инварианты, но не единственные формы, как в аналитическом английском, где эта вариативность невозможна. Могут ли последних два десятилетия, характеризующихся бурным развитием всех сторон жизни СССР/России (но особенно сфера бизнеса, политики, технологий, масс-культуры), оказать существенное влияние на синтетический (в целом) строй языка, если в профессиональном, бытовом употреблении неизменяемые формы имеют тенденцию к склонению, словообразованию по синтетическому типу? – задается автор вопросом. Действительно, с одной стороны, русский язык активно пополняется, например, разрядом несклоняемых слов, с другой – аналиты в некодифицированных формах языка (разговорном и профессиональном просторечии) подчиняются словоизменительным правилам: *МГУ* > *МГУшный*, *метро* > *метровский* (жетон), *пальто* > *пальтовская*, *пальтовая* (ткань).

Другая группа лингвистов (и их подавляющее большинство) не сомневается в росте аналитических тенденций в современном русском: возникновение

многочисленных аномалий в русском языке (на уровне системы, *langue*) и речи (на уровне речевой деятельности, *parole*) рассматривается как убедительные и симптоматичные факты, свидетельствующие об увеличении аналитических элементов в грамматическом строе русского языка. Расширение аналитизма трактуется исследователями как доказательство подвижности языковой системы на ее динамичных, "универсально слабых" (в терминологии М.Я. Гловинской), наиболее подверженных языковой коррозии участках. Ср.: «Одна из наиболее определенных [тенденций в русском языке послереволюционной эпохи. – А.З.] – стремление к аналитизму» (РЯСОМ 1968: 11).

Аналитические процессы, протекающие в современном русском языке, можно рассматривать как результат внутренних (имманентных) законов развития русского флективно-синтетического языка и как результат влияния аналитических языков (в первую очередь англо-американского варианта) в рамках общемировой глобализации. Вулканическая активность и невероятный рост аналитических конструкций в русском языке в последние десятилетия связывают в первую очередь с внешним влиянием, которое, по мнению некоторых специалистов, вызывает «подвижки» в русской флективно-синтетической платформе. Это внешнее влияние осуществляется прежде всего в масс-медийном, компьютерном, деловом, политическом, экономическом, культурном и интернет-пространстве, которое – в свою очередь – чрезвычайно сильно влияет на современный узус.

Столкновение позиций исследователей происходит прежде всего с макрохронологических (аналитические конструкции периферийны и преходящи, обусловлены фактором моды и «внешнего» давления), либо с микрохронологических позиций (аналитические языки, прежде всего английский, оказывают и будут оказывать всё возрастающее влияние на русский и другие языки; говорят также о росте языковых элементов, свойственных изолирующим языкам).

В последние годы специалисты обращаются к изучению языковых процессов не только в материковом русском языке (как это еще совсем недавно было принято в советской лингвистике), но и в речевой практике многомиллионной русской диаспоры, являющейся своеобразным «экспериментальным полем» для выяснения устойчивых и подвижных участков русской языковой системы в ситуации непосредственного контакта разнострояемых языков. Разумеется, аналитические элементы в речи и текстах русских/русскоязычных не остались без внимания лингвистов. Исследователи языка русского зарубежья уже неоднократно обращали внимание на более активный характер проявления аналитических черт в речевой практике эмигрантов (Benson 1957; Kouzmin 1982; ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001) в сравнении с языком метрополии. Основной областью распространения аналитизма, по многочисленным наблюдениям, является рост несклоняемых имен существительных, довольно обильно заимствуемых из языка-источника (прежде всего обозначения бытового характера, названия официальных учреждений, обозначения документов, термины делопроизводственной сферы) и имен прилагательных. В отличие от них, глагол "с заимствованной основой не может быть "голым", он должен иметь формальные показатели своей глагольности" (ЯРЗ 2001: 205), поэтому лексические и грамматические глагольные

новообразования в языке эмигрантов оформляются согласно русским словоизменительным классам глаголов.

В устном языке аналитизм в глагольных формах может проявляться, в частности, в расширении сферы использования формы *буду* при образовании будущего времени: *Я буду иметь лоны* (англ. loan "ссуда, заем"); *Я буду назад в четыре часа* (ср. английское глагольное соответствие I will be back; русское нормативное – *я вернусь в 4 часа*) (Andrews 1999: 98, 102), однако интересно, что авторы другой известной книги о языке эмиграции (ЯРЗ 2001) не фиксируют подобных образований в собранном ими материале. Скорее всего, подобные грамматические конструкции присущи речевой практике индивидов, языковая компетенция которых в раннем (подростковом) возрасте подверглась мощному влиянию иностранных языков (где есть формально выраженные показатели будущего времени); в этом случае можно говорить об индивидуальной языковой коррозии, когда на языковую систему индивида, находящуюся в стадии формирования, накладывается другая языковая система, в которой та или иная грамматическая категория оказывается более употребительной или единственно возможной. Здесь любопытно также отметить разницу в позиции исследователей: у одних такие факты оказываются периферийными для языковой компетенции (языковой системы), попадая в разряд спонтанного говорения (едва ли грамотный носитель русского языка напишет, например, вышеприведенную глагольную форму в письме, тексте), у других исследователей, напротив, – именно непринужденная, домашняя разговорная речь эмигрантов/иммигрантов является лингвоментальным полигоном, где и разворачивается процесс «встречи» двух типов языков – аналитического и флективного. Таким образом, при исследовании проявлений аналитизма в речи русской диаспоры так же, как и для языка метрополии, существенно противопоставление: аналитические модели часто или почти всегда являются факультативными, необлигаторными для речевой практики. Аналитизм и синтетизм часто вступают в отношения диглольной дистрибуции (см. выше позицию Паттона). Также было отмечено, что оказывает влияние и строй языка: аналитические конструкции легче проникают в синтетические языки; в обратном направлении такое движение происходит редко (по крайней мере в сжатый временной период).

Объектом изучения в настоящей статье служат аналитические конструкции в эмигрантской прессе (1919-1939 гг.); она обслуживала нужды первой волны эмиграции. Этот материал интересен с разных точек зрения: во-первых, это хронологически отдаленный от сегодняшней «аналитической волны» период, что позволяет дистанцированно посмотреть на характер и протекание языковых процессов; во-вторых, эта книжно-разговорная стихия, представленная в газетных публикациях, отчасти отражает как спонтанное «говорение» русских послереволюционных эмигрантов в иноязычном окружении, так и кодифицирующее, нормирующее, дисциплинирующее воздействие письменной формы языка. Именно на границе или – даже вернее – на стыке между письменной и устной формами речевой коммуникации в эмигрантской прессе можно обнаружить любопытные примеры аналитических моделей, которые отсутствовали или находились на периферии в материковом русском языке в послереволюционную эпоху.

Аналитизм может быть последовательно описан на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Поскольку газеты и журналы за границей издавали эмигрировавшие из России журналисты, языковая компетенция которых сформировалась на базе материкового русского языка, то ясно, что доминирующим типом в нашем материале следует ожидать лексические аналиты, так как они непосредственно связаны с наименованиями новых для эмигрантов реалий. Рассмотрим более детально самые типичные случаи аналитизации в эмигрантском русском языке.

1. в области имен собственных аналитические элементы проявляются прежде всего в сфере топонимии и антропонимии. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров (двоеточие в цитате значит пропуск слова, слов):

Пастор Ф. Дэйк, из *Зайон*, Илл.[инойс], .. приговорён федеральным судьёй к шестимесячному тюремному заключению за нарушение *Мэнн акта*. Пастор увёз с собой из Кеноши, *Вис*.[консин], в *Ист Луис*, Илл.[инойс], шестнадцатилетнюю девушку, с которой был зарегистрирован в нескольких отелях, как "муж и жена". (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Б. Фишбейн, 1050 *Сполдинг аве.*, владелец двух прачечных, 3122 *Вест Армитадж авеню* и 4252 *В. Лэйк ул.*, [sic] стал жертвой шайки ловких аферистов, обобравших его на 100,000 дол. [sic] (Рассвет. 1937. 11 февр. № 35)

Очень красивая выставка открылась вчера в 2 часа дня в доме № 9 *рю Дюрок*. (Дни. 1926. 19 нояб. № 1163)

Это явление (отсутствие грамматической координации, постпозитивные элементы), ранее несвойственное русскому языку метрополии, начинает широко распространяться в книжных сферах русского языка только в последнее десятилетие 20 в. (Костомаров 1994: 204-205; Дуличенко 1994; Граудина 1998; Ryazanova-Clarke & Wade 1999): *рекламный проспект прислала Оксана Букатина, Москва; проживающий в США, штат Вермонт, .. Александр Солженицын..; Норткот Паркинсон .. скончался в Кентербери, юго-восток Англии, в возрасте 83 лет; и др.* Приведенные примеры из эмигрантской прессы показывают, что влияние иноязычных аналитических моделей грамматической некоординируемости лексем, распространенных в топографических, ономастических обозначениях, в эмигрантской публицистике обнаруживается значительно раньше письменной практики в метрополии, часто представляя просто механическую транслитерацию английской топонимической записи.

Кроме того, языковую трудность для эмигрантов (как и ранее в языке 19 в.) представляли также случаи грамматического согласования имен (в сочетании с иноязычными этикетными знаками) и фамилий. Как известно, в языке 19 века склоняемость иноязычных фамилий была намного выше, чем в языке 20 в. (Калакуцкая 1984: 50-53; Калакуцкая 1994; Валгина 2001: 158). В следующем примере показательны, во-первых, использование графической комбинации кириллического (*фрау*) и латинского алфавита (*Scalkin*) с иронически-игровой,

стилизованной целью (не случайно эта комбинация присутствует в нарративном (фельетонном) повествовании):

В маленькой комнатухе при портновском магазине "Jacob Scalkin", сам герр Scalkin, он же Яков Иванович, запивая безсахарным [sic] кофе вязкий бутерброд со шпеком [шпиком. – А.З.] и не без труда преодолевая произношение и обороты языколомной немецкой речи, говорил своей жене, *фрау Амалия* [sic] Скалкин.. (Пуль. 1930. 1 янв. № 2766)

Пребывание за рубежом и вырабатываемая языковая привычка избегать склонения многих иноязычных антропонимов влияла и на антропонимы, существовавшие в перечне известных российских фамилий, но сохранявшие свой иностранный характер. Очевидно, несклоняемость фамилии *Дитерихс* в одной эмигрантской газете можно объяснить именно давлением иноязычных моделей употребления фамилий (resp. аналитизма):

Фонд спасения Родины имени Великого Князя Николая Николаевича. [...] Вклады и пожертвования могут вноситься или непосредственно в банк или *через генерала Дитерихс*. (Голос России. 1931. 2 авг. № 1)

Довольно быстро проникли в эмигрантскую прессу наименования кинофирм, заводов, увеселительных и развлекательных заведений, грамматически построенных по аналитической модели: *Парамаунт-фильм*, *Жокей-клуб*, *Лаун-теннис клуб*, *Бетховен-зал*, *Дансинг-Палас*, *Дженерал Моторс*:

Луиза Брукс, Ричард Арман в новейшем *Парамаунт-фильме* "Братья-соперники". [реклама] (Сегодня. 1930. 6 янв. № 6)

6 ноября первая команда русского *Лаун-Теннис Клуба* играет реваншный матч на площадках Аньерского клуба. (Возрождение. 1927. 6 нояб. № 887)

Несомненно, это свидетельствует о стремлении эмигрантов не нарушать номинативно-структурную целостность иноязычной лексической единицы, даже если ее грамматическая структура не соответствует русской; можно утверждать, что грамматическая корректность и соблюдение русских морфологических законов согласования отступают на задний план. Грамматическая связь между компонентами оказывается формальной, не координированной, формируются "аграмматичные формы", или своеобразный синтаксический "изафет" (по образному выражению В.Г. Костомарова). В современном русском языке масс-медиа эта тенденция стала проявляться особенно активно с конца 80-х годов 20 в. (РЯК 1996; Костомаров 1996; Ryazanova-Clarke & Wade 1999; Валгина 2001). Итак, "изафетные" формы в эмигрантском варианте русского языка появились значительно раньше, чем в языке метрополии.

2. в области апеллативной лексики разнообразие конструкций с аналитическими элементами велико. Прежде всего это, конечно, несклоняемые имена

существительные, которые идентифицируют иностранные реалии. Встречаются следующие тематические группы анализов:

а) политические реалии, которые в языке источнике построены по аналитической модели: *дуче*, *гетто*, *наци*, *шупо* (немецкая разговорная аббревиатура *Schupo* < *Schutzpolizist* "охранник-полицейский").

Под водительством *Дуче* [sic] Италия преодолевает, достигает, добивается, – одним словом, работает для своего лучшего национального будущего. (Сигнал. 1938. 1 сент. № 38)

Тибор Самули – чахоточный садист и грабитель из подонков венгерского *гетто*.. (Сигнал. 1938. 15 сент. № 39)

Ясно, что эти номинации относятся к группе неизменяемых имен существительных. Такие неизменяемые слова в русском языке стали активно появляться в результате заимствования из европейских языков 18-19 вв. и всегда вызывали споры в лингвистике (признать ли их изменяемыми или нет), причем в каждый исторический период времени филологические мотивы степени их кодифицированности бывали различными и зависели от языковой культурно-парадигматической доминанты. В середине 19 в. литературная публицистика стала оказывать существенное влияние на формирование городского узуса, вследствие чего И.И. Срезневский объяснял несклоняемость слов типа *пальто* давлением «салонной, книжной речи» на «народный язык» (Срезневский 1986: 155), т.е. с не собственно языковых (системных) позиций (ослабления русской падежной системы), а как пример социального нажима, «моды». Известный российский кодификатор Я.К. Грот полагал, что конечные *-o*, *-e* (например, в словах *депо*, *бюро*, *трюмо*, *кафе*, *алоз*, *канане*) имеют «совсем другое [чем в русских существительных среднего рода] значение и не составляют приметы рода и склонения» (Грот 1976: 353), т.е. исходил уже из системных характеристик неизменяемых слов как имен с ущербной парадигмой. Н.С. Трубецкой, находясь долгие годы своей жизни в эмиграции, даже в 1934 г. признавался: «несклоняемое *пальто* я воспринимаю как искусственную форму», а форму множественного *пóльта* считал вполне нормальной для русского узуса, хотя и стилистически просторечной (Trubetzkoу 1934: 37 – цит. по: Бранднер 2010); исходным мотивом такого заключения служило представление Трубецкого о разграничении двух языков: *литературного* как «языка специализации» (технически обработанного) в противовес *народному* языку как языку «географическому» (территориальному, диалектному) (Толстой 1988).

б) бытовые, спортивные номинации с аналитическими компонентами; пожалуй, это одна из самых больших групп в нашем материале, что вызвано, конечно, номинативными потребностями – ориентации в инокультурном пространстве. Это могут быть обозначения в форме сложных слов: *юбка-принцесс*, *оперетка-реву* (с неизменяемой второй частью), *мюзик-холль* [sic], *танц-бар* [sic] (с неизменяемой первой частью), *ватер-поло*, *карт д-идантитэ* = *карт д-идантитэ* (фр. *carte d'identité* "удостоверение личности") (обе части неизменяемые). Это могут быть собственно неизменяемые слова: *матинэ* (франц. *matinée* "утренний или дневной

спектакль”), *брио* (франц. *brío* “живость (в игре)”), *кино* (нем. *Kino* “кинотеатр”), *синема* (франц. *cinéma*), *супэ* (франц. *souper* “ужин”), и др.

27-го января в 11 часов утра.. состоится *матинэ* арий и романса артистки Мариинской оперы Зинаиды Юрьевской. (Огни. 1924. 21 янв. № 3)

Танц-бар “3 Musketeere”. [реклама] (Пуль. 1930. 4 янв. № 2768)

Модель, повторяющая английскую структуру типа *A group*, *B group* и т.п., распространенная в специальных сферах (наука, техника, спорт), быстро проникла и в письменную практику эмигрантских газет:

Победитель прошлого турнира Ошин проиграл в мужском сингле [в пинг-понг. – А.З.] *А-группы* Розенталя П. в двух сетах 15:21, 18:21 .. (Сегодня. 1930. 12 янв. № 12)

Аналитизм в этой группе проявляется или на морфологическом уровне (неизменяемые заимствования-варваризмы типа *ватер-поло*, *брио*, *матинэ*), или на структурном (напр., препозитивный термин *А-группа* вместо ожидаемого русского *группа «А»*, где конкретизатор обычно стоит в постпозиции к главному, определяющему слову), или на синтаксическом (некоординированное согласование: *чемодан вулкан-фабр*). Подобные конструкции стали лавинообразно нарастать в русском языке метрополии конца 20 в., эмигрантский узус столкнулся с ними гораздо раньше. Несклоняемые заимствованные существительные вместе с другими аналитическими элементами свидетельствовали, во-первых, о расшатывании русской падежно-словоизменительной парадигмы и, во-вторых, о проникновении аналитических по своей природе языковых элементов как в устно-речевую структуру (прежде всего обнаруживаемую в объявлениях, рекламах), так и в письменные формы русского языка вне метрополии.

в) профессиональные (однословные и многословные) номинации. Это очень разнородная группа. С одной стороны, сюда попадают заимствования – наименования высших и высоких должностей, военных профессий: *полицей-президент*, *министр-президент*, *министр-маршал*, *юстиц-рат*, *штаб-офицер*, *штаб-ротмистр*, *генерал-директор*:

Следственная комиссия Ландтага по делу Барматов дважды допрашивала берлинского *полицей-президента* Рихтера.. (Дни. 1925. 14 февр. № 691)

Опытный *такси-шофер* немедленно требуется.. (Сегодня. 1930. 4 янв. № 4)

Элементы аналитизма в терминах со значением профессий встречались задолго до революции. Это касается, в первую очередь, наименований военных должностей (многие из них в дореволюционном языке были заимствованы из немецкого: *генерал-капитан*, *генерал-адмирал*, *генерал-аншеф*, *генерал-майор* и мн. др.), профессиональных обозначений (*обер-мастер*, *обер-кондуктор*, *обер-секретарь*, *обер-аудитор*, *обер-камергер*, *штаб-офицер*, *штаб-лекарь*, *штаб-ротмистр* и др. (Ромашкевич 1889). В эмигрантском публицистическом дискурсе сохранилось и продолжилось словопроизводство таких публицистически заостренных номинаций разговорного характера:

обер-аграрник Милютин. (Сегодня. 1930. 3 янв. № 3)
обер-палач Дзержинский. (Дни. 1925. 3 февр. № 681)

Однако не только сохранением старых наименований характеризуется эмигрантский узус, в него вошли и новые обозначения, связанные с жизнью за рубежом и отсутствовавшие в дореволюционном речевом обиходе: *такси-шофер* (очевидно, прямое заимствование из нем. *Taxichauffeur*; ср. англ. *taxi driver*, франц. *chauffeur de taxi*), *полицей-президент* (нем. *Polizeipräsident* "начальник полиции (в крупном городе)"), *генерал-директор* (нем. *Generaldirektor* "генеральный директор"; ср. франц. *directeur général*), *министр-маршал*, *юстиц-рат* (нем. *Justizrat* "советник юстиции").

Профессионально-бытовые номинации требуют также пристального внимания и потому, что в них встречается больше всего непоследовательности в дистрибуции: то аналитические, то флективные формы. В качестве иллюстрации приведем обширную, но весьма выразительную цитату о наборе рабочих определенных профессий:

Требуются рабочие:

1. токари и ректифиеры (турнер де фабрикасьон э ректифиер)
2. ажюстеры, токари, фрезеры и утийеры
3. токари (турнер-профессиональ)
4. ажюстеры (ажюстер-профессиональ) [..]
10. токари, реглеры, фрезеры, хорошие персеры и ажюстеры-монтеры (турнер вертико э параллель, реглер де тур, ажюстер-монтер д'антретиен)
11. токари и ажюстеры (турнер-утийер э ажюстер-монтер пур л'антретиен дэ Блисс)
12. токари и утийоры (утийор ан матрис д'эстампаж)
13. маневры в каменоломни [объявление в газете] (Дни. 1926. 17 ноября. № 1161)

Этот пример (а он не единственный в нашем материале) интересен тем, что показывает действие флективной модели в русском: термин на расчленяется на части, а осмысляется как целостное образование, к финали которого присоединяется окончание в зависимости от конечной согласной основы слова: если термин кончается на твердый согласный – окончание во множественном *-ы*, если на мягкий согласный – окончание *-и*. Не менее симптоматично то, что многокомпонентный термин, как правило, не подвергается русификации (флективному изменению); очевидным препятствием является сложность внутренней структуры иноязычного термина/терминологического словосочетания и высокая степень его терминологичности, фразеологизированности компонентов для носителей русского языка. Кажется, русские флексии множественного числа у иноязычных варваризмов появлялись также благодаря кириллической записи новых названий профессий; транслитерированные формы, какими бы странными они ни казались, гораздо

легче приобретали русские языковые (морфологические) черты, чем если бы они были записаны в латиницей. Таким образом, алфавитная система (кириллическая или латинская) также служила важным индикатором приобретения/отсутствия русской флексии. Несомненно, эти же самые процессы мы наблюдаем и в орфографическом разгуле в современном русском языке: тип записи (алфавит) оказывается далеко не безразличным, релевантным для аналитизации/флективности иностранного заимствования.

Русифицированные (синтетические) формы Французские прототипы	Неизменяемые (аналитические) формы Французские прототипы
<i>ажюстеры</i> (ajusteur – наладчик)	<i>турнер-профессиональ</i> (tourneur – токарь)
<i>работеры</i> (ouvrier – строгальщик)	<i>турнер вертика э параллель</i>
<i>ректифиеры</i> (rectifier – шлифовщик)	<i>реглер де тур</i>
<i>фрезеры</i> (fraiseur – фрезеровщик)	<i>ажюстер-монтер д'антретиен</i>
<i>утийеры</i> (=утийоры) (ouilleur – наладчик, механик)	<i>турнер-утийер</i>
<i>реглеры</i> (régleur – наладчик)	<i>утийор ан матрикс д'эстампаж</i>
<i>персеры</i> (perceur – сверловщик)	<i>ажюстер-монтер пур л'антретиен дэ Блисс</i>
<i>ажюстеры-монтеры</i> (monteur – монтажник, сборщик)	<i>кулер де гросс пляк</i> (colleur – наклещик, расклещик)
<i>маневры</i> (manœuvre – разнорабочий)	

Для контраста приведем другой двусоставный термин, в котором оба элемента хорошо освоены языковым сознанием, в речевой практике эмигрантов слово проявляет тенденцию к склонению обеих частей.

Пансион "Прагер Платц". Первоклассная русско-французская кухня под управлением *шефа-повара*. [реклама] (Дни. 1925. 8 февр. № 686)

Таким образом, практически равноправное сосуществование в языке русской эмиграции синтетических и аналитических форм свидетельствует о противоборстве двух форм языка: письменной (стремящейся сохранить неизменяемой иноязычную аналитическую конструкцию с целью коммуникативной точности, максимально приближенной к языку-донору) и

устной (стремящейся флективными средствами приспособить несклоняемую конструкцию к русскому языковому строю). Внутренняя многокомпонентность термина также препятствует включению его в морфологическую флективную систему. Играет существенную роль и кодифицирующий фактор: отсутствие жесткой, регламентированной кодификации, свойственной русскому языку метрополии в 1920-1930-е годы (словари, корректорские, идеологические, цензорские отделы в газетах и журналах), приводило к существованию обильной вариантности в функционировании важных, связанных с повседневной жизнью эмигрантов понятий, терминов. Тем самым распатывалась русская словоизменительная парадигма, так как информационный (структурный) компонент оказывался важнее (с точки зрения коммуникации и адекватности передачи информации), чем собственно языковой (нормативно-морфологический).

г) отдельную группу составляют инициальные аббревиатуры, имеющую в современном русском языке явную тенденцию к неизменяемости. Аббревиатуры с трудом поддавались унификации в эмигрантской прессе и превращению их в неизменяемые аналиты. В частности, у эмигрантов показателем приспособления сложносокращенных слов инициального типа является парадигматическое изменение их по законам русской морфологической системы (т.е. включение в категорию рода, числа, падежа). Эти процессы обнаружались практически сразу с появлением этого класса слов; многочисленные примеры приведены в (Mazon 1920; Селищев 1928; РЯСОС 1968; Лехикойнен 1990; Comrie et al. 1996). Многочисленные случаи склонения таких аббревиатур, как, например, *Чека*, *нэп*, *вуз*, *цик* по падежам – это, конечно, признание их статуса как обычных (флективных, изменяемых) слов языка, подчиняющихся морфолого-синтаксическим законам:

ЦК [германской компартии] заявляет, что в Германии вообще не может быть "чеки", так как здесь нет советской власти.. (Дни. 1925. 31 янв. № 679)

... сольются воедино ручейки дальневосточного Русского фашизма, фашизма подъяремного, Союза младороссов и *РОНД-а*.. [Российское освободительное народное движение] (Младоросская искра. 1933. 15 нояб. № 34)

В русском языке метрополии, начиная с 1930-х годов, велась кодификационная борьба (как на законодательно-лингвистическом, так и на медийном, школьно-образовательном уровне) за упорядочение аббревиатур, в результате чего в 30-е годы аббревиатурное словообразование стабилизировалось и практически прекратилось словопроизводство, в частности, слоговых аббревиатур. В эмигрантском языке отсутствие кодификационных регламентаций приводило к большой вариативности аббревиатурных форм, флективные словоизменительные тенденции проявляются более активно, чем в языке метрополии (подробнее о типологии аббревиатур и отличии их функционирования и структурного облика от русского языка метрополии см.: Зеленин 2007).

д) к числу проявлений аналитических элементов относят также такие слова (обычно термины), в структуре которых возможна взаимозамена компонентов («слова-перевертыши»). Словообразовательные отношения между ними построены на сочинительных синтаксических связях, когда оба элемента сложного слова тематически равноправны и правый и левый компоненты легко допускают «грамматическую рокировку» без ущерба для смысла. Отсюда вариативность номинаций: *анархист-синдикалист* = *анархо-синдикалист*, *коммунист-большевик* = *большевик-коммунист*, *сионист-ревизионист* = *ревизионист-сионист*, *еврей-ревизионист* = *ревизионист-еврей*, *пропагандист-безбожник* = *безбожник-пропагандист*, *фашист-диссидент* = *диссидент-фашист* (итал. *fascista dissidente* “член группы фашистов-диссидентов”) и др.

М. Гросман .. в настоящее время состоит редактором официоза *сионистов-ревизионистов* “Дер Нойе Вег”. (Сегодня. 1930. 1 янв. № 1)

Анархисты-коммунисты называли анархо-синдикалистов “анархо-меньшевиками” за вхождение и работу в советах.. (Анархич. вестник. 1924. № 7)

Синтаксические отношения между компонентами устанавливаются по типу примыкания в словосочетании (агглютинации). Такой тип связи является ведущим, например, в структуре английского языка в категории сложносоставных слов: «В английском языке с его типологическими показателями – одноморфемной структурой слова и примыканием как способом выражения синтаксической связи подтип сложных слов с примыканием получил широкое распространение. В русском языке с характерным для него типологическим показателем – преобладающей двухморфемной структурой подтип с примыканием не распространен» (Аракин 1989: 224). Следовательно, такие сложносоставные термины в эмигрантской прессе скорее всего следует рассматривать как проникновение аналитических моделей в русский речевой узус. В современном русском языке такие термины-перевертыши всё-таки до сих пор мало распространены, хотя и заметен их рост в некоторых специальных сферах: *шорты-юбка/юбка-шорты*, *кровать-трансформер/трансформер-кровать* и под.

Укажем также на отсутствие такой интересной особенности в эмигрантской прессе в сфере экспрессивного синтаксиса, как использование единственного числа вместо множественного (синекдоха); напротив – в советской печати эта модель была чрезвычайно популярна. Аналитизм в данном случае проявляется в том, что собирательное значение не выражено материально-грамматически, флективно. А.А. Потебня называл такое использование форм единственного числа существительных “образом сплошного множества” (Потебня 1968: 25), понятием “как единица или как множество” (там же: 26). Такие случаи немаркированного единственного встречались еще в древнерусском языке. Однако чрезвычайно быстрый рост количества форм существительных единственного числа в собирательном значении в сфере общественно-политической лексики начался в русском языке примерно с начала 20 в., прежде всего в таком специфическом жанре публицистического стиля, как листовки (распространяемые социал-демократическими группами). В дальнейшем, по

мере распространения в массах агитационно-пропагандистской литературы, существительные в собирательно-обобщенном значении становятся одним из элементов данного типа текстов и их стилиевой приметой. Яркая стилистическая окраска обуславливается семантико-прагматической функцией: "собирательно обозначая ту или иную общественную группу, такие формы одновременно указывают и на всякого отдельного представителя этой группы. [...] Это делает их особенно выразительными: они действительны, активны" (РЯСОМ 1968: 166). Таким образом, активизация таких форм в пролетарско-большевистской и – шире – социал-демократической печати мотивирована языковой прагматикой: мощным стилистическим потенциалом категории единственного числа группы существительных, относящихся к актуальным общественно-политическим понятиям; такие формы отличает лозунговость, повышенная риторичность, патетичность и целеполагающая лаконичность: «прочел – и действуй!» (Винокур 1930: 150). Эмигрантская публицистика практически не использует такие стилистически маркированные формы единственного числа (значение "сплошного множества"). Пожалуй, безусловным «героем» данной категории является существительное *деревня*, используемое в собирательно-обобщенном значении. Референция субстантива в эмигрантских газетах мотивирована только советской действительностью, но не связана с зарубежными реалиями, что позволяет квалифицировать эту морфолого-стилистическую модель как несомненное заимствование из советской печати:

Деревня .. не может развить своих производительных сил без усовершенствования торгового аппарата. (Огни. 1924. 28 янв. № 4)

... *деревня* очутилась без той интеллигенции, отзывчивость и безграничное самопожертвование которой всегда были к услугам страдающей деревни. (Голос Родины. 1919. 11 мая. № 262.)

Решительно отклонила *деревня* в этом году и покушение на ее ресурсы [sic]. (За свободу. 1925. 1 янв. № 1 (1405))

Другие редкие упоминания синекдохи обычно связаны с цитированием советских газет:

Не цитировали ли мы из речей Зиновьева и К-о о том, что не надо огульно сваливать все на "кулака", что очень легко ныне любой "*средняк*" принимается за кулака, а что о "*средняке*" нужно заботиться и т.п. Потом, когда у "*средняка*" оказался тоже свой "кулак", которым он начал громить селькоры, т.е. местных агентов сов.[етской] власти, его вновь произвели в кулаки. (За свободу. 1925. 4 янв. № 3 (1407))

Ненависть *красного солдата* к режиму, приведшему к голоду, ссылкам и кровавому террору, которым является ныне СССР, только усилилась после учреждения Колхозов [sic], так как русские деревни лишены теперь всего и приведены к рабству. (Голос России. 1932. сент.-окт. № 13-14)

Таким образом, этот элемент аналитических конструкций оказался неактуальным для эмигрантской прессы, в отличие от советского общественно-публичного дискурса.

Выводы

1. Сразу после революции 1917 г. и трансформации прежних социально-языковых отношений А.М. Пешковский пронизательно увидел такую коммуникативно-информационную особенность, устанавливающую прямую зависимость между коллективом говорящих и мерой коммуникативных затрат: «Трудность языкового общения растет прямо пропорционально числу общающихся, и там, где одна из общающихся сторон является неопределенным множеством, эта трудность достигает максимума» (Пешковский 1925: 118). Тогда эта формула (наряду с высказываниями Г.О. Винокура) не привлекла особого внимания лингвистов, однако в конце 20 века, спустя 70 лет, Г.П. Мельников вернулся к этой идее и лингвистически (на базе теории информации) доказал, что в эпоху массового перемещения людей, дистантного контактирования языков и культур происходит рост языкового аналитизма как наиболее легкого и удобного инструмента, облегчающего такое контактирование этносов и культур. В свою очередь это ведет к упрощению системы склонений и спряжений (Мельников 1990). Именная система подвергается более сильному воздействию аналитизации, чем глагольная (Земская 2001; Клобуков 2001). Очевидно, языковые процессы, происходившие в речевом узусе русской диаспоры, вне их желания оказавшихся в инокультурном окружении, и языковые трансформации в настоящем российском обществе, с явным желанием приобщения к инокультурным достижениям, совпадают в бóльшей своей части, несмотря на значительный хронологический разрыв.

2. В чем же можно видеть опережение эмигрантского языка в проникновении аналитов в сравнении с русским языком метрополии в первые послереволюционные десятилетия?

Русский эмигрантский узус	Русский язык метрополии
1. антропонимическая, топонимическая система	1. инициальные аббревиатуры как аналиты
2. политическая, бытовая, спортивная лексика	2. категория собирательности (в политической публицистике)
3. профессиональные номинации	
4. словообразование: «слова-перевертыши»	

Все перечисленные в левой части таблицы компоненты стали активны (в бóльшей или мёньшей степени) в современном русском языке метрополии в последние десятилетия. Отставание эмигрантского узуса проявлялось в аббревиатурной зоне: аббревиация как способ словообразования использовалась эмигрантами намного меньше и не испытала (в отличие от СССР) мощного

кодифицирующего воздействия, аббревиатуры часто осознавались как слово-морфемы, изменение которых по флективному или аналитическому типу не регулировалось нормами или справочниками. В публицистическом языке вышедший после революции 1917 г. на поверхность агитационный призывный стиль проявил аналитизм в категории собирательности некоторых имен существительных (социальной, профессиональной семантики); напротив, в эмигрантской прессе эта особенность выглядит как трансплантант из советского публичного дискурса.

3. Насколько неизбежен рост аналитических конструкций в русском языке в результате языковых контактов? Ответ на этот вопрос будет положительным: неизбежность мотивируется всё увеличивающимся проникновением языковых элементов (в сфере наук, технологий, массовых коммуникаций), не отягощенных флективными показателями. Это отвечает потребностям удобной и быстрой коммуникации, нацеленной на адекватность понимания и реагирования на общекультурном поле.

Насколько необходимы аналитические конструкции в национальном языке (русском), если у них есть/могут быть равноценные замены? Ответ на этот вопрос зависит от угла зрения: в масштабах общенационального языка аналиты вовсе не необходимость, а только дополнительное, факультативное средство выражения какого-либо содержания. Эта факультативность даже полезна, поскольку служит появлению новых вариантов, стилистических оттенков; в рамках профессионального общения аналиты – средство экономии при передаче информации.

4. Аккумулятивная, волюнтаристическая и идеологическая функции публицистики находятся в постоянном неравновесном взаимодействии, чутко реагируя на запросы общества и формируя его. Эмигрантская пресса, оказавшись в несвойственных ей ранее условиях – отражать эмигрантский и инокультурный быт намного чаще и больше, чем далекую советскую действительность, – столкнулась с необходимостью изменения языковых канонов в общем для эмигрантов информационном поле. Так необходимость аналитизации стала неизбежностью; впрочем, теперь мы видим сходные экстралингвистические условия и тенденции и в современном российском информационно-интеллектуальном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРАКИН, В.Д. (1989), *Сравнительная типология английского и русского языков*, 2 изд., Москва, Просвещение.
- БРАНДНЕР, А. (2010), «Проявление аналитизма в современном русском языке» *еп Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць*, Вип. 20, Донецьк, pp. 8-17.
- ВАЛГИНА, Н.С. (2001), *Активные процессы в современном русском языке*, Москва, Логос.
- ВИНОГРАДОВ, В.В. (1947), *Русский язык. Грамматическое учение о слова*. Москва, Ленинград.
- ВИНОКУР, Г.О. (1929), *Культура языка*, 2-е изд., испр. и доп. Москва, Федерация (на обложке 1930).

- ГРАУДИНА, Л.К. (1998), «С Москва-тур на Красное море! (Что-то новенькое в грамматике?)», *Русская речь*, 3, 45-53.
- ГРОТ, Я.К. (1876), *Филологические разыскания. Т. Материалы для словаря грамматики и истории русского языка*, Санкт-Петербург.
- ДУЛИЧЕНКО, А.Д. (1994), *Русский язык конца XX века*, (=Slavistische Beitrage. 317), München.
- ЗЕЛЕНИН, А.В. (2007), «Компрессивное словообразование в эмигрантской прессе (1919-1939)», *Вопросы языкознания*, 4, 98-125.
- ЗЕМСКАЯ, Е.А. (2001), «Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке» *en Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М.В. Панова*, Москва, Языки славянской культуры, pp. 68-76.
- КАЛАКУЦКАЯ, Л.П. (1984), *Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке*, Москва, Наука.
- КАЛАКУЦКАЯ, Л.П. (2001), *Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение*. Москва, Толк.
- КЛОБУКОВ, Е.В. (2001), «Аналитические глаголы в русском языке» *en Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М.В. Панова*, Москва, Языки славянской культуры, pp. 77-87.
- КОСТОМАРОВ, В.Г. (1994), *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва.
- ЛЕХИКОЙНЕН, Р., (1990) – Lehtikoinen, R. *Словарь революции – революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия*. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 32, Helsinki.
- МЕЛЬНИКОВ, Г.П. (1989), *Принципы и методы системной типологии языков*, Автореферат дисс. .. доктора филол. наук, Москва.
- МЕЛЬНИКОВ, Г.П. (2000), *Системная типология языков: Синтез морфологической классификации со стадильной: Курс лекций*, Москва, Издательство Российского университета дружбы народов.
- ПЕШКОВСКИЙ, А.М. (1925), «Объективная и нормативная точки зрения на язык» *en Александр Пешковский, Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика: сборник статей*, Ленинград, pp. 109-121.
- ПОТЕБНЯ, А.А. (1968), *Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного*, Москва, Просвещение.
- РОМАШКЕВИЧ, П.А. (1889), *Полный русский орфографический словарь*, изд. 5, исправил и дополнил А.А. Быков, Санкт-Петербург.
- РЯЗ, 2001, *Русский язык зарубежья*, под ред. Е.В. Красильниковой, Москва, Эдиториал УРСС.
- РЯСОМ, 1968, *Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование*, под ред. М.В. Панова, Москва, Наука.
- РЯСОС, 1968, *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование*, под ред. М.В. Панова, Москва, Наука.
- СЕЛИЩЕВ, А.М. (1928), *Язык революционной эпохи*, Москва, Работник просвещения.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. (1986), *Русское слово: Избранные труды*, Москва, Просвещение.
- ТОЛСТОЙ, Н.И. (1988), *История и структура славянских литературных языков*. Москва, Наука.
- ЯРЗ, 2001, *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*, отв. ред. Е.А. Земская, Москва-Вена, Языки славянской культуры; Венский славистический альманах.
- ANDREWS, D. R. (1999), *Sociocultural Perspectives on Language Change in Diaspora: Soviet Immigrants in the United States*, (= Studies in Language and Society, Vol. 5), Amsterdam/Philadelphia.
- BAR, J.A. (2002), «August Wilhelm Schlegel Unterscheidung des “syntetischen” und des “analytischen” Sprachbaus: Pionierleistung der Sprachtypologie oder

- sprachphilosophisch-literaturkritische Reminiszenz?» *Historiographia Linguistica*, V.29, 1-2, pp. 71-94.
- BENSON, M. (1957), «American Influence on the Immigrant Russian Press», *American Speech*, Vol. XXXII, 4, pp. 257-263.
- COMRIE ET AL., (1996 –, Comrie, B., Stone, G., Polinsky, M., *The Russian Language in the Twentieth Century*, Oxford.
- DUNN, J.A. (1982), «The Nominative in Old Russian and the Question of Analycity», *Papers in Slavonic Linguistics 1*, eds. F.E. Knowles, J.I. Press, Birmingham, pp. 25-42.
- DUNN, J.A. (1988), «Is there a tendency towards analyticity in Russian?», *Slavonic and East European review*, Vol. 66, 2, pp. 169-183.
- KOUZMIN, L. (1982), «Grammatical Interference in Australian Russian», *The Slavic Languages in Emigre Communities*, Sussex R. (ed.), Carbondale, USA: Linguistic Research, Inc., pp. 73-87.
- MAZON, A. (1920), *Lexique de la guerre et de la revolution en Russie. 1914-1919*, Paris, Champion.
- PATTON, D.P. (2000), *Analytism in Modern Russian: A Study of the Spread of Non-Agreement in Noun Phrases*. Dissertation Abstracts International, A: The Humanities and Social Sciences, 60, 12 June.
- RYAZANOVA-CLARKE & WADE, (1999) – Ryazanova-Clarke, L., Wade, E. *The Russian Language Today*. L., N.Y.
- TRUBETZKOY, N. (1997), «Das morphonologische System der russischen Sprache», *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, Prag, 1934, V.5, 2. (перевод статьи на русский язык: *Морфонологическая система русского языка* en Трубецкой Н.С. *Избранные труды по филологии*. Москва, 1997, pp. 67-142).